
РАССУЖДЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

Н.А. КРАВЦОВ

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ростовского государственного университета*

Эти записки появились во время поездки автора в Страсбург, которая состоялась в прошлом году по приглашению Университета им. Робера Шумана. Автор имел возможность наблюдать в течение 10 лет те процессы, которые происходили в области европейской политики, экономики и культуры. Плачевное состояние, в каком он увидел одну из своих любимых стран в последний приезд, навело его на невеселые размышления, изложенные в самом бессистемном виде, и которые, он, тем не менее, предпочел не редактировать...

1

После исчезновения государственной организации народ может иметь только одну форму самоидентификации – культуру: язык, национальные традиции, национальная одежда и пр. Поскольку государство всегда возникает в рамках народности, поскольку народ в процессе создания государства уже самоидентифицирован, возможно предположить только одно: самоидентификация народа через его культуру есть изначальная и естественная форма народного объединения. Возможно сохранить народность, утратив государственность, но совершенно невозможно сохранить ее, утратив национальную культуру. Если кризис государственности не обязательно влечет за собой упадок национальной культуры, то упадок последней (в широком значении слова «культура»), как правило, ведет к упадку государственности и экономики. При этом вопрос о первичности экономики или культуры – вопрос пустой. Он настолько же бессмысленен, как и вопрос о соотношении пищеварения и разума в человеческом теле. Можно сказать, что народ имеет ту культуру, которую он экономически может себе позволить. Это верно только в определенном отношении. Действительно, народ, который не имеет экономической возможности для строительства оперного театра, содержания оркестра и труппы, вряд ли способен породить что-либо значительное в области оперного искусства. Но в определенном смысле культурный потенциал народа всегда сохраняет независимость от его экономического потенциала. Чистые расходы на создание «Дон Кихота» невелики: несколько пачек бумаги, бутылка чернил и время. Это значит, что экономически любая, даже самая нищая нация может позволить себе «Дон Кихота». Вопрос, однако, в том, способна ли она породить Сервантеса? «Одиссея», передававшаяся устно, вовсе бесплатна, но как определить стоимость рождения Гомера? Можно возразить, что наличие у Сервантеса свобод-

ного от производительного труда времени обусловлено экономическим состоянием общества. Однако дело заключается, главным образом, в том, как сам Сервантес предпочел воспользоваться досугом. История свидетельствует о том, что подавляющее большинство тех, кому экономическая организация общества предоставила комфорт и досуг, не сделало ничего для обогащения культурного наследия народа. Вместе с тем известны многочисленные примеры того, как ремесленники создавали великие культурные памятники: Экхарт, Сакс и др. То есть вопрос сводится к тому, способна ли нация породить представителей, нравственно готовых к тому, чтобы использовать свое свободное время для обогащения ее культурного наследия? С другой стороны, можно сказать, что нация порождает ту экономику, на которую она культурно и нравственно способна. Шведская форма капитализма, отличная от нашей дикой формы, определяется культурным и нравственным различием наших народов. Дело не только в том, какую степень эксплуатации ближнего дает возможность допустить экономическая система, но и в том, какую степень может нравственно допустить себе эксплуататор и до какой степени самоунижения позволит себе дойти эксплуатируемый, исходя из сложившихся культурно-нравственных устоев общества.

2

Исчезнувшие нации продолжают реально существовать для нас только в памятниках своей культуры. Цивилизация, не оставившая своего культурного наследия, – не более чем факт хронологического и географического порядка. Можно сказать, что погибшая цивилизация живет в свидетельствах историков. Однако исторические свидетельства – это само по себе явление культурного порядка. Исчезнувшая цивилизация становится страницей в книге, относящейся к иной культуре. Величие Рима состоит именно в том, что он сумел сделать политику и право частью своего культурного наследия. Таким образом Рим обесмертил себя и пережил на века свою политическую организацию. Рим в области политико-правовой значит для человечества то же, что Греция в области искусства и философии и Израиль в области духовности.

3

Древние не проводили четкого различия между искусством и ремеслом. И то, и другое было для них творческим созданием в той или иной сфере. Определяя политику как искусство, греческий философ вводил тем самым государство в сферу эстетики. Государство становится здесь произведением искусства или инструментом артиста. Аристотелевское требование придерживаться золотой середины в размерах государства, его населении, богатстве граждан и прочем близко к чисто эстетическому требованию соразмерности, предъявляемому к произведению искусства. Для древнего грека искусство есть подражание природе. Сама же природа дает нам образец целесообразности. Произведение природы прекрасно, поскольку оно соответствует своей цели. Отсюда гениальное прозрение Аристотеля, который в отличие от предшественников счел необходимым определить сначала естественную цель государства, а затем – найти самую соразмерную форму, которая бы сделала государство целесообразным. «Политика» Аристотеля в каком-то смысле – эстетика государства. Это эстетика, в которой чувство формы не сводится к формализму, ввиду неизменного требования целесообразности.

4

Эстетическое начало вообще занимает важное место в аристотелевском учении о государстве. Критикуя Платона, он видит в его государстве простой унисон, стремящийся занять место сложной гармонии. У Аристотеля государство подобно аккорду. Гармония музыкального созвучия заключается в правильном сочетании различных звуков. Государственная гармония состоит в верном сочетании разнородных элементов. Помимо всего прочего, отличие государственного мужа от главы семейства состоит в необходимости овладения искусством такого сочетания. Государственный муж должен обладать внутренним чувством целесообразности, которое ему необходимо, подобно тому, как музыканту необходим музыкальный слух. Государственный муж – творец, в то время как глава семейства просто правитель. Первый творит, второй – направляет. Патернализм чужд такому пониманию государства. Он нормален для Древнего Востока, где задача правителя не творчество, а охранение. Там власть – ветер, перед которым наклоняется трава (Конфуций). Там она подобна умению пасти лошадей (Чжуан-цзы). Платон, определивший государственное искусство как «мягкое попечение о человеческом стаде», был близок к тому, чтобы отойти от античного эстетизма в сторону восточного патернализма. Отсюда его «унисоны». Однако античный эстетизм и в нем не угас до конца. Политик у него подобен ткачу; с помощью государства – этого громадного ткацкого станка – он искусством «царственного плетения» приводит в гармоническое единство разнородные элементы. Здесь государство из произведения искусства становится инструментом, но его эстетическое значение не устраняется. В этом же контексте можно рассматривать и рассуждения философа о роли мудрецов в управлении государством. Рассуждения эти, кстати, не были откровением для своего времени. И Гераклит, и Демокрит, и Эпикур были уже приверженцами политического аристократизма. Причем очевидно, что аристократизм и в политике, и в искусстве, по большому счету, не нуждается в особом обосновании. Достаточно однажды услышать оркестр под управлением великого дирижера, чтобы раз и навсегда убедиться в том, что «править должны лучшие». Феллини был гениален в своей «Репетиции оркестра», когда показал в виде взбунтовавшегося оркестра современное общество, возжелавшее плюрализма. Платоновский мудрец вправе управлять государством, потому, что он созерцает своим внутренним взором образец этого государства. Но это относится и к любому артисту. Дирижер управляет оркестром потому, что он знает общий план всего произведения, всю партитуру, в то время как музыканты знают только свою партию. Да, есть оркестры, которые обходятся без дирижера. Но это своего рода фикция. В этом случае каждый музыкант анализирует партитуру в целом. То есть – каждый становится дирижером. Но, как известно, такого рода оркестрам недоступны масштабные и сложные по составу сочинения. Подобно этому, демократия, в принципе возможная в небольшом государстве, не ставящем перед собой громадных задач, принципиально невысказима в обширной державе, обладающей серьезными геополитическими амбициями. Вдобавок, если все музыканты оркестра профессионалы, то не все граждане способны «анализировать партитуру». Творит только тот, кто имеет перед своим внутренним взором замысел творения. Кто вправе написать «Дон Кихота»? Тот, кто внутренним взором уже созерцает образец книги. Другое дело, что платоновский мудрец – художник-консерватор, отрицающий новое и убежденный в окончательности своей эстетики.

5

Государство прошлого не было государством бюрократическим в той степени, как государство сегодняшнее. Оно было «говорящим» в большей степени, чем «пишущим». Для него был важен гул народного собрания, крики негодования и возгласы одобрения. Оратор был неотъемлемым элементом политической жизни. Законы и указы оглашались, а не «публиковались». Суды были торжественными, а приговоры приводились в исполнение публично, помпезно, в соответствующем эстетическом оформлении. Война торжественно объявлялась, а войска торжественно отправлялись в поход. Они возвращались с публичным триумфом или со всенародными сетованиями. Мир заключался с ликованием. Это было государство-действие, которому был присущ элемент театральности. Полис, как Шекспир или Мольер, не только писал драмы, но и желал играть в них – на украшенных подмостках истории. Крах Платона был связан с его желанием заменить государство-действие государством-драматургом. И это в лучшем случае. Платоновское государство, отказываясь быть действием, разрешает действие гражданам, но только в меру своих собственных интересов. У Аристотеля действие обретает классическую форму. Его элементы государственной власти – как необходимые ампулы в театре. А формы государства подобны набору жанров. Эстетическое чувство, создавшее классицизм греческого театра, требовало классицизма в политике. Однако теоретик этого классицизма явился слишком поздно – накануне катастрофы, разрушившей все здание.

Современное государство есть государство «пишущее». Оно желает быть подобным своей же писаной конституции, стараясь подражать ей в окаменелости писаного слова. Это не государство-действие, а государство-алгоритм. Все торжественные атрибуты и обряды, имеющие в нем место, – не более чем пережитки старого государства. Они не следуют необходимым образом из коллективных эстетических запросов. Они скорее мешают действию алгоритма и стремятся к максимальному упрощению. Отмена публичной казни связана не только с гуманизацией юстиции, но и с ее эстетическим упрощением. Одна из причин «зрительского успеха», который имел Третий рейх, состоит в попытке возрождения государства-действия. Политический эстетизм был одним из важнейших факторов, обеспечивших триумф нацизма. Однако эта попытка была обречена на провал. Эстетическим действием Третий рейх был только внешне. По существу, это государство было даже в большей степени алгоритмичным, чем большинство современных ему государств. Эта искусственность политического эстетизма постепенно сделалась бы очевидной, и он стал бы менее привлекательным, даже при более благоприятном для нацистов развитии исторических событий. Этот эстетизм был обречен, поскольку в его основе не лежал эстетический аристократизм. Принципиальный антиинтеллектуализм, вообще свойственный идеологии Третьего рейха, рано или поздно сыграл бы свою роковую роль. Возведенные в эстетическую норму вкусы обывателя не могут сохранять свою привлекательность бесконечно долго. Попытка связать плебейство в эстетике с высшими достижениями национальной культуры прошлого сорвалась и в Третьем рейхе, и в Советском Союзе, и в Китае. Она обречена на провал и в будущем. Политический эстетизм будет живым только там, где он будет отражать само существо политической организации. Как это и было в старом добром государстве-действии, и в частности – в эллинском полисе.

6

Искусство многим обязано истории вообще и политической истории – в частности. Ценность произведения искусства такова, что воздействие на него политических событий происходит «по ту сторону добра и зла». Трагедии 1812 г. мы обязаны появлением «Войны и мира». Вторая мировая война означала не только разрушение памятников культуры и искусства. Без ужасов войны не было бы ни Седьмой симфонии Шостаковича, ни «Герники» Пикассо. Невозможно вообразить себе искусство двадцатого века без того, чем отреагировали художники на ужасы войны. Опричнина подарила нам две великолепные оперы Римского-Корсакова. Варфоломеевская ночь вдохновила Мериме. Что до благодеяний государства, то они редко вдохновляют художника на подлинные откровения. Освобождение крестьян в 1861 г. никем не было воспето с тем же вдохновением, как были заклеены предшествующие ему мучения крепостных. Шостакович не смог написать Симфонию Победы, которая стала бы рядом с Седьмой и Восьмой. Успехи государства способны вдохновлять только лизоблюдов и конъюнктурщиков, которые в принципе не могут сотворить ничего достойного пережить века. Чтобы быть музой, Политика должна быть чудовищем.

7

Эстетические мелочи важны для больших исторических событий. Если бы Наполеона Бонапарта звали бы Ксавье Людюк, если бы он не носил треуголки, если бы Джугашвили вместо «Сталин» выбрал бы псевдоним «Чугунов», история сложилась бы иначе. Если бы Ульянов стал не Лениным в честь Лены, а Каминым в честь Камы, мавзолей бы не построили: КАМИН на Красной площади не нужен. Один острослов сказал: Владимир Владимирович Пукин никогда бы не стал президентом...

8

Мультикультурность – миф, придуманный на Западе. Создание этого мифа преследовало исключительно политическую цель: оправдать импорт избирателей, успокоить коренное население западных стран, приходящее в ужас при виде наплыва миллионов иммигрантов, которые не имеют ни малейшего уважения к национальной культуре своей новой родины. Но эта пресловутая мультикультурность невозможна на Западе, где иммигранты, по сути дела, остаются в рамках культуры страны своего происхождения. Построение единой многонациональной культуры оказалось невозможным делом в Советском Союзе и оказывается очень затруднительным в современной России. А ведь здесь речь идет о народах, которые связаны тысячелетним совместным проживанием. Можно было в свое время много болтать о «советской музыке». Но Кара-Караев был все же азербайджанским композитором, а Свиридов – русским. Прогрессисты могут привести в качестве примера мультикультурного образования Северную Америку. Но эта мультикультурность порочна в своей основе: китайцы и англосаксы остаются и там самими собой. Вершины американской культуры – Драйзер, Мелвилл, Айвз – это достояние достаточно узкого круга интеллектуальной элиты. Общность культуры достигнута только на уровне поп-культуры. Те же тенденции наблюдаются и в России, и в Европе. Можно сделать вывод: если культура

не мононациональна, она не может достичь высокого уровня. Многонациональная культура может быть только условным понятием, под которым подразумевается исключительно совокупность национальных культур. Если многонациональная культура стремится к единству, то такое единство возможно только через вульгаризацию, через понижение общего культурного уровня. Гомогенная многонациональная культура может быть только поп-культурой.

9

Опасность современной культурной политики на Западе состоит в стремлении нивелировать культурные различия. Поскольку в капиталистическом обществе культура не может не быть товаром, последствия экономической глобализации должны рано или поздно распространиться и на нее. Однако глобализация – дело опасное. Те, кто видит в ней прогресс, заблуждаются. Разнообразие – всегда важнейший признак прогрессивного развития. Эволюция живой природы шла от однообразных простейших к разнообразию форм. От простоты к многообразию развивались и формы искусства. Само человечество знало ту же логику в своем развитии. Там, где были только греки и римляне, теперь многообразие Европы. Разнообразие наций, рас, языков, религий, культур – неизбежный результат человеческой эволюции. Упрощение, нивелирование, глобализация – процесс регрессивный по своему внутреннему смыслу! Разнообразие национальной кулинарии подарило миру шедевры кулинарного искусства. А что в этой сфере подарил человечеству век глобализации? Только Макдональдс и Колу! Стандартизация необходима только там, где она предназначена преодолеть хаос, и не более того. С этой целью существует, например, право, стандартизирующее человеческие отношения. Для борьбы с хаосом право может определить, что покупатель должен заплатить деньги, а продавец – передать товар. Но когда право определяет, что покупатель должен заплатить евро за полученный от продавца гамбургер с колой и не иначе, – это уже слишком! Глобализация происходит от крайностей утопизма, мечтавшего о мононациональной Земле и универсальном языке. Что сказали бы, если бы кинология стремилась к сведению всех собачьих пород к одной и объявила бы это верхом прогрессизма?!